

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С29

В оформлении обложки использованы элементы дизайна:
DonAlexus, pushenko / Shutterstock / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM;
Фото на обложке: © Hulton Archive / GettyImages.ru
Во внутреннем оформлении использованы фото и элементы дизайна:
© Hulton Archive / GettyImages.ru
DonAlexus / Shutterstock / FOTODOM

Селестин, Елена.

С29 Русские друзья Шанель : любовь, страсть и ревность, изменившие моду и искусство XX века / Елена Селестин. — Москва : Эксмо, 2024. — 256 с. — (Мода. TRUESTORY).

ISBN 978-5-04-184987-0

Каким образом парижская модистка стала Великой Мадемуазель? Мало кто знает, что своим успехом она обязана не только собственному таланту и новаторству и даже не богатым и знатным любовникам. В элитный круг Парижа Шанель попала прежде всего, благодаря именитым русским эмигрантам, с которыми ее познакомил близкая подруга Мися Серт. Роман «Русские друзья Шанель» основан на документальных сведениях, в частности на записях друга Коко Шанель Поля Морана, который при ее жизни так и не получил разрешение на их издание. В нем автор — писательница и искусствовед Елена Селестин в красках передает детали знакомства, дружбы и сотрудничества Шанель с Сергеем Дягилевым, Игорем Стравинским, Леонидом Мясиным, Сергеем Лифарем, великим князем Дмитрием Романовым и княгиней Марией Павловной, Пикассо и его русской женой Ольгой Хохловой. Роман погружает читателя в атмосферу Парижа 1920-х годов, период становления нового искусства, вдохновенного творчества, но в то же время неприкаянности, ревности и нехватки денег, — когда «при дворе Дягилева» не прекращалась напряженная работа и кипели страсти, в том числе при участии Габриэль Шанель.

Живые диалоги и редкие архивные фото действующих лиц очень точно иллюстрируют характеры героев, их образы, жизнь русской интеллигенции в эмиграции, впервые рассказывая историю появления Коко Шанель в блестящем круге гениев и легенд.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184987-0

© Селестин Е., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Сан-Моритц, Швейцария, 1948 год
Поль Моран

— Не оборачивайся, — сказала жена. — Там, у окна, мадемуазель! — Елена нахмурилась и наклонила голову. — В дурацкой шляпе похожа на голодного грифа.

— В дурацкой? Значит, не она.

— Если хотим успеть на матч, надо сматываться.

Я обернулся: Коко смотрела прямо на меня поверх сигаретного дыма. Она щурилась, подбородок на тонкой шее вздернут — величественный гриф, в тесной клетке не изменивший привычке смотреть свысока. мех на шляпке топорщился белым хохолком. Глаза ее были по-прежнему яркими, но не сияли.

— Привет... — я подошел.

Она ела свой птичий завтрак.

— Ты тоже на Олимпиаду?

— Что, я стала похожа на старую идиотку, Полё? — Коко приветливо улыбнулась и потрясла рукой, украшенной браслетами и перстнями.

Когда я наклонился, чтобы расцеловать ее, маленькое тело мадемуазель показалось мне бесплотным; от нее пахло кофе и сладкими духами. Отстранившись, я почувствовал на лице прикосновение душистого меха. Вопреки земным

законам и жизненным катастрофам, прежде она молодела с каждым годом, а теперь усохла и выглядела на свои шестьдесят пять, на лице особенно выделялся большой подвижный рот.

— Возраст — очарование Адама и трагедия Евы, так, мой Полё? — хрипло хохотнула мадемуазель.

Как я мог забыть: она читает мысли обычных людей.

— Твоя жена, — мадемуазель махнула рукой с сигаретой в направлении холла, — сбежала. Надеюсь, из-за меня.

— Пошла в туалет, я думаю. Сегодня швейцарцы играют с норвежцами, и мне, к сожалению, пора идти.

— Давай посидим у меня, пока она будет мерзнуть. Хочешь?

— Нет, я с Еленой. Прости.

«Почему не сказал, что сам люблю посмотреть на игру?! И хочу провести день с женой? Сейчас-то мне с какой стати пасовать перед ней?»

— Заходи вечером, я здесь на третьем, выпьем по бокалу «Россини», — предложила она.

Этот коктейль подавали в Париже в отеле «Ритц» всю войну, мы часто пили его вместе. В глазах Коко появилось новое: страх, опасение, что она всего лишь бывшая властительница идей и пространства. Я не выдержал боли в ее взгляде.

— Хорошо, скажу Елене. Спасибо за приглашение.

— Приходи один, мой Полё, — протянула она жеманно и улыбнулась, глядя мне в глаза. — У меня к тебе дело.

Трудно без смущения смотреть на кокетливую гримасу немолодой женщины, которую помнишь красавицей. То, что она упрямо игнорировала мою жену, было так похоже

на прежнюю Коко! Ей, конечно, плевать на мои возможные мелкие неприятности, однако надо напомнить.

Но я проямлил:

— Вечером с шофером отправлю тебе записку. Ты здесь под своим именем?

— Ха, мой бог, конечно нет, на черта мне сдались журналисты и прочие дебилы. — Она проворно надела темные очки, о которых забыла на время, ее маленькое лицо исчезло. — Ты тоже в этом отеле?

— Нет, мы с Еленой, — подчеркнул я — «мы», — в «Помм де пен», на другой стороне озера. Когда приехали, здесь были заняты даже люксы. — Мне не хотелось признаваться, что этот роскошный отель нам не по карману. — Тебе-то как удалось?

Она фыркнула, дернув острым плечом, жемчуга на груди сместились с громким шелестом.

— Записку оставишь для пятого люкса! — прогудела мадемуазель.

— Для пятого, понял.

После хоккея, во время прогулки, у меня был нервный разговор с Еленой; я понимал ее эмоции, но все же вечером собирался в отель «Бадрютт» к мадемуазель.

За обедом меня ждал неприятный сюрприз: я попросил официанта принести местную газету с расписанием игр на завтра. Газетенка «Новости Граубундена» не только давала подробную информацию о том, на каких площадках будут состязания, но и сообщала об известных людях, прибывших в качестве зрителей на зимнюю Олимпиаду-48, высокопарно названную «Играми Возрождения». Там было написано: «В холле отеля «Бадрютт» замечен бывший французский

посол в Швейцарии писатель Поль Моран с супругой, румынской принцессой Еленой Сутцо». Я быстро убрал листок, чтобы жена не заметила. Одно радовало — там не было наших фотографий.

И вот мы вдвоем с мадемуазель в ее люксе любуемся видом, сидя перед огромными, от пола до потолка, окнами апартаментов. Коко в белом, одета с невыразимым изяществом, и на ней так много украшений, что она сутулится, подняв плечи, при этом ее стан кажется совсем бесплотным.

Окна гостиной были обрамлены золотистыми бархатными портьерами, что делало зрелище на площадке перед отелем похожим на декорацию спектакля, выстроенную художником с буйным воображением и неограниченными возможностями. На переднем плане, прямо перед нами, был овальный ярко освещенный каток. Там кружились в пятнах света фигуристы. Чуть поодаль — белая плоскость озера среди волнистых гор, по нему даже в такой час бегали лыжники. И повсюду до темного горизонта стояли пышные ели и сосны в раздутых снежных балахонах.

— Люблю снег, — она улыбнулась мечтательно. — Удивительно, что из воды, женского и бесформенного, получается лед — холодное, мужское! А вот ноги, мой бог, ноги-то зачем открывать? — мадемуазель гневно указала на девушку, которая плавно скользила по льду. — Колени — это же уродливые сочленения! Как у насекомых! Я в моих платьях колени всегда скрывала.

Захотелось отвлечь ее от ног фигуристок. Я предвидел, что наша встреча обернется монологом мадемуазель и вечер будет скучным.

— Помнишь, Мися говорила, что по-настоящему шикарным театр был лишь в те времена, когда ложа важных гостей помещалась прямо на сцене? Мы сейчас словно в такой ложе, — нарочито восхитился я.

Коко внезапно встала, поставив бокал на столик, на лице ее мелькнуло, сменяя друг друга несколько саркастических гримас. Конечно, я допустил бестактность, напомнив ей о времени, когда у Миси Серт на лучших сценах Парижа была собственная ложа; эту роскошь упразднили во время Первой мировой. Коко в то время была просто модисткой. У нее был покровитель, но таких способных содержанок в Париже было немало. Я-то полагал, что соперничество между подругами — одной из которых, Мисе, все досталось в ранней юности просто даром, а другой пришлось пробираться сложными путями, — давно изжило себя.

— Что-то не так? — я постарался мило улыбнуться.

— Твоя Мися неделю назад прислала мне письмо, сейчас принесу.

Вернувшись из спальни, Коко с размаху села в кресло и, нервно потрясая бумагой, стала читать. На переносице у нее появились очки. Собственно, новости о бедной Мисе Серт были никому не интересны уже лет десять. Я с удовольствием пил шампанское с клубничным пюре, тот самый коктейль «Россини», которым гордился парижский «Ритц», и любовался огнями, думая о том, что хотел бы показать этот вид жене.

— А вот, — повысила голос мадемуазель, — слушай: «я занята день и ночь, работая вместе с Було над воспоминаниями. Моя книга, конечно, всех очень удивит. Я всю

забавляюсь! Но иногда рыдаю». — Мадемуазель фыркнула и грубо ругнулась. — Рыдает она...

— Рад, что Мися занялась делом.

— С ума сошел? — Она потрясла кулачком, покрытым драгоценными камнями. — Мися сочиняет бредни! Обо мне!

Коко всегда уверена, что окружающие говорят и думают лишь о ней. Возможно, раньше это был один из секретов ее успеха.

— Что за Було?

— Бывший секретарь Серта, достался ей в наследство вместе с квартирой. Мальчик смотрит на нее с умилением, как на сундук времен Вильгельма Завоевателя, откопанный в саду. Було красит губы и, по-моему, с собственным полом не может определить, что уж говорить об остальном. Представляю, как Мися лежит, изображая мадам де Монтеспан в состоянии маразма, и диктует чушь. — Коко подперла голову рукой и закатила глаза, потом с силой стала крутить кистью в воздухе, как птица, проверяющая мощь крыла. Перстни мадемуазель замигали, подавая дружеские сигналы праздничным огням за окнами. — Сама ведь не только писать, но и книгу за всю жизнь не открыла...

Я возразил:

— Малларме, Дебюсси, Лотрек — все обожали молодую Мисю! Ренуар хотя бы. И Пруст мне про нее всегда говорил восторженно, ему нравилось писать ей письма.

— Да сроду она их не читала!

— А может, она в воспоминаниях расскажет правду о «Русском балете»?

— Угу, правду. Мися будет плести про меня, я уверена, и все перевернет, как обычно, — отчеканила мадемуазель. — Уфф, знаменитые Мисины поклонники! Да они разбегались, спасались от нее! Ты же знаешь: я тоже могу укусить кого-то, когда разозлюсь. Но Мися жрет людей целиком, и она всегда так делала! В общем, я ей написала, чтобы она не вздумала упоминать меня в своих опиумных фантазиях. Так и предупредила: если опубликуешь обо мне хоть слово...

— То что? — Мне всегда казалось, что Мисю напугать нельзя.

— Ну-у-у, — она помедлила, будто обдумывая наказание, — хотя бы перестану тащить ее на себе, как делала это всю свою жизнь. В прошлом году — и в апреле, и осенью — оплатила ей здесь санаторий и врачей. Встало мне это, ты знаешь Мисю, мягко говоря, недешево... она всю жизнь уверена, что деньги валяются с неба. У меня у самой сейчас долги. А! — она энергично отмахнулась и нахмурилась.

Я знал, что моя собеседница попала в общество первоклассных мастеров искусства и их покровителей только благодаря дружбе с Мисей Серт, которая ко времени знакомства с Коко царила в этом недостижимом для простых людей кругу двадцать с лишним лет.

— Полё, послушай, ты ведь плохо ее знаешь, — не унилась Коко. — Когда мы первый раз ездили по Италии, она твердила: брось ты всех этих Тицианов и Боттичелли — они мусор, ничто, — а пойдем лучше посидим где-нибудь, поедим вкусно. Еще ей нравилось притащить в отель кучу камней, кораллы, бисер, барахло всякое... она делала деревья, знаешь, наподобие японских, у нее их был целый чемодан. Деревья с каменными листьями! У Миси вообще никогда

не было вкуса! Никакого, уж поверь мне. — Коко кипятилась, я старался сохранять серьезное лицо. — Она сама мне говорила, что Малларме каждое воскресенье приносил ей стихотворение и паштет из гусиной печени. Паштеты она сожрала, а стихи растеряла, может даже выбросила — они ничего для нее не значили, ничего!

Зато я неплохо знал два поколения людей искусства в Париже, для которых мнение Миси об их творчестве было важным. Другое дело — никто из них не мог сказать, что знает Мисю достаточно хорошо, и никто не взялся бы предсказать поступки Миси. Иногда ее взгляд был проникновенным, глаза смотрели нежно, но она открывала рот — и человек слышал неприличные или злые слова. Бывало и наоборот: Мися говорила что-то поэтически-возвышенное, а смотрела хитро или презрительно щурилась. Мися Серт была любопытным, разряженным, своевольным, сильно надушенным, до крайности избалованным парижским сфинксом. Она привлекала избранных и отталкивала многих других. Кажется, когда-то Реверди (или же Малларме, не помню) назвал ее «королевой богемного Парижа», но это была непостижимая и часто жестокая королева.

— Вот еще перл! — щелкнула по странице мадемуазель. — Она сообщает, что была на выставке Пикассо и потом у него в мастерской они поссорились: «Можешь теперь поблагодарить меня, я освободила тебя от Пикассо!» Мой бог, освободила от Пикассо! Меня! — Коко вскочила, взгляд стал гневным. — Единственный человек, от которого я хотела бы освободиться, — сама Мися. Ну и кто она после этого?!

Листы переворачивались; письмо трещало, мне казалось, оно может загореться — раздражение мадемуазель передавалось бумаге.

— Полоумная идиотка, вдруг ей пришло в голову распрягаться моими отношениями с Пикассо!

Эта заочная ругань становилась скучной, и вдруг Коко сказала:

— Мне нужно, чтобы ты помог написать книгу. Мою! Расскажу о себе сама, все как есть. — Бросив листы себе под ноги, она взяла со стола бокал и удобно устроилась в кресле. Серьезно смотрела мне в лицо.

— А почему я? — мне хотелось отказать поделикатнее. — Сейчас Олимпиада, и мы с женой вместе...

— Твои книги были успешными, и потом, ты же был секретарем Пруста, долго работал у Галлимара. — Аргументы мадемуазель, как обычно, были строго рациональными. Но после паузы она добавила мягко: — Ты единственный, кто знает, какой я была, когда Бой был жив. Только ты помнишь меня настоящую, Полё.

Если отбросить раздражение, естественным образом возникавшее оттого, что думала и рассуждала она только о себе, обстоятельно и очень серьезно, можно было признать, что она права. Я дружил с Боем Кейпелом, любил его так же, как и она его любила. После гибели Боя мне его тоже жутко не хватало. И до сих пор не хватает, хотя прошло почти тридцать лет. Правда и то, что она была его грандиозным творением. Бой Кейпел, безусловно, нас связывал.

— Да, ты стала известной практически сразу после того, как он нас покинул.

— Не просто известной, мой бог! Единственной женщиной в мире, фамилию которой не надо называть. «Великая мадемуазель» — это только я, — напомнила она; видимо, ей давно не перед кем было хвастаться. — У меня такое чувство, что после смерти Боя моя жизнь, да и я сама, поменялась полностью, будто он «оттуда» всем дирижировал. Началось самое интересное. До этого я работала как умела, хоть он мне, разумеется, и советовал всегда, и помогал. Но потом! Он был все время со мной, здесь, — она приложила ладонь к груди, поверх лабиринта бус. — Ты один можешь понять это, Полё.

Мне стало интересно: эти жемчужины холодные или нагреваются от ее эмоций?

— Я не только сразу стала сильнее, но и каждый день знала, как действовать. Делала это без ошибки, точнее и быстрее всех. Хоть и была очень молода, — добавила она задумчиво.

Вот это, мягко говоря, преувеличение. Когда не стало Боя, мадемуазель исполнилось тридцать семь. А правдой было то, что в те годы на вид ей можно было дать двадцать пять; не всегда, но в некоторые дни.

— И принялась работать как несколько человек, не уставала никогда, — повторила она. — Так странно, Полё. Я ведь любила Боя, и он меня любил, но пока он был жив — я часто плакала, все десять лет, что мы были вместе. А потом уже нет, потом настало время настоящей работы.

— Почему ты плакала?

— Скажем так: он любил не только меня, — она дернула плечом и потянулась за сигаретой.

Мы проговорили до полуночи. Когда я вернулся в отель, Елена читала в постели, и, конечно, она была обижена на меня. Я же торопился записать то, что рассказала мадемуазель.

— Шпатца там не было?

— Нет. Только мы вдвоем.

— Куда же делся барон Шпатц? Странно.

Я знал, что моя жена терпеть не может Ганса фон Динкляге по прозвищу Шпатц с тех времен, когда он появился в Париже в 1933-м как «доверенное лицо канцлера Германии Адольфа Гитлера».

— У женщин не спрашивают такие вещи. Я не спрашиваю.

— Будешь всю ночь записывать, что она наплела? — Елена подошла, чтобы поцеловать меня на ночь, и заглянула в записи.

— Иди спать, пожалуйста.

— «Мои строгие тетуски из Оверни! Наши дома, ухоженные жасминовые аллеи! Шкафы с белоснежными простынями и рубашки с кружевными манжетами». По-оль, она тебе врет! Весь Париж знает, как было на самом деле, вон хоть спроси у Миси.

Воистину: говоря о Шанель, обязательно упоминают Мисю, и наоборот. Будто они давняя супружеская пара.

— Людям интересно, как она сама себе это представляет. И согласись, Коко имеет право рассказывать о себе что хочет. В любом случае такая книга может иметь успех.

— Ты спятил? Это смешно! Кто-то купит книгу о мадемуазель со слов самой мадемуазель? Про нее все забыли!

Диор и Живанши превзошли ее во всем! Она тебе хотя бы заплатит?

— Не знаю. И не так это важно. Спокойной ночи.

— Ну понятно, — протянула жена с интонацией прозорливой консьержки. Я не выносил этот ее тон, но ссориться не хотелось.

— Иди ложись, пожалуйста. Люблю тебя, Елена. — Я поцеловал ей руку, давая понять, что больше отвлекаться не намерен. — Ты у меня красивая.

Рим, апрель 1920 года

Двери на террасу были открыты; стояла необычная для апреля жара, и в просторном зале к полудню стало душно. Сергей Павлович Дягилев в ночной рубашке до пят, в остроносых войлочных туфлях сидел на террасе в плетеном кресле, повернувшись спиной к яркому солнцу. Рядом на круглом столике лежали листы партитуры, время от времени он делал в них заметки карандашом, но большую часть времени слушал, прижав ладони ко лбу. Из глубины апартаментов звучал рояль, иногда музыку дополнял звон трамвая.

— На двадцать второй странице, с третьего по седьмой такт, — крикнул Дягилев, — нет, прямо до восьмого, Игорь! Надо сочинить хороший аккомпанемент для этой темы. А первые два такта в картине вычеркиваются, лишние они.

— Я не могу настроиться на Перголези, не получается! — Композитор взял неблагозвучный аккорд. — Слишком большие различия в ощущении времени и движения! Перго-

лези во сне мне является и грозит палкой. В лучшем случае могу переписать его со своим «акцентом», Серж, но и то не знаю, получится ли.

— Надо сделать, чтобы в хореографии не вышло скучно, — спокойно пожал плечами Дягилев. — Ничего более.

Стравинский закурил и вышел на террасу.

— Пусть Леонид подстраивается под музыку... так будет правильно, в том числе хорошо для танца, — сказал он.

Лицо Дягилева, с большими темными кругами под глазами, страдальчески сморщилось, уголки глаз опустились, брови, наоборот, поднявшись, сложились буквой «л», удивительно точно повторяя линии тонких усов, монокль повис на черном бархатном шнурке.

— Я человек театральный... — он вытянул вперед руку в широком рукаве рубашки.

— Но вы не композитор, Сережа, — быстро вставил Стравинский.

— И слава богу, что не композитор! — выкрикнул импресарио внезапно. — А вот п-почему, позвольте спросить, почему я должен, собственно, быть им?! — При сильном волнении Дягилев начинал заикаться.

— Потому что издевательство над старой музыкой мне претит. Никогда вы этого понять не сможете, вам-то все равно! — Стравинский курил, расхаживая по террасе, иногда он задерживал взгляд на древних постройках Рима, стекла пенсне отражали то солнце, то крыши и купола. — Публика ваш бог.

— Ну хватит! — Дягилев вскочил и подбросил листы партитуры. Он был на голову выше композитора и в широ-

кой рубашке казался огромным. Со стола грохотом полетел кувшин с лимонадом. — Уже двадцать лет мне твердят, что я нич-чего не понимаю в музыке, потому что я не композитор. Нич-чего не понимаю в живописи! Потому как не художник! Надоело! — теряя домашние туфли, Дягилев свирепо пинал нотную бумагу, норовя загнать листы в лимонадную лужу. Листы разлетались, он их догонял и пинал снова.

Стравинский отступил к парапету террасы и отвернулся, выжидая. Его ботинок, высокий, украшенный модной кнопкой, отстукивал плавный ритм, гармонирующий со спокойными силуэтами крыш. Композитор выглядел щеголем: клетчатые брюки, нарядный галстук и напوماженные волосы. Вокруг террасы были крыши старинных домов, между ними виднелся купол Пантеона.

— Как выдержать это, господи?! И зачем? Зачем мне все это? — неуклюже переступая босыми ногами, продолжал стенать Дягилев. Со лба у него катился пот, пенсне на черном шнурке раскачивалось на полотне рубахи — фигура напоминала громоздкие, внезапно взбесившиеся напольные часы. — Почему вы носком стучите?! — импресарио вдруг брезгливо устался на ботинок Стравинского, будто увидел насекомое.

— А что...

— Все нормальные люди отсчитывают пяткой!

Вышел слуга Василий и стал подбирать осколки стекла, аккуратно обходя ноги хозяина, потом осторожно, ни на кого не глядя, собрал мокрые листы.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Стравинский. — Пока мы не разругались.